

Нравственная философия как методологическая основа и ценностный ориентир профессиональной этики в праве¹

Аннотация. Исходя из констатации очевидного дефицита нравственности в профессиональных областях, где под удар зачастую ставится сам человек, а значит, и общество в целом, автор статьи обосновывает положение о том, что в качестве методологической основы и ценностного ориентира профессиональной этики в праве призвана выступать именно нравственная философия, в центре которой изначально выступает человек как человек, а не внешний объект как формальная величина. Позиционируется подход, согласно которому подготовка современных юристов предполагает усиление нравственности в праве силами профессионалов-философов, прежде всего этиков, способных дать знания о происхождении и сущности нравственности, об истории этических учений, о содержании категорий и ценностей; осуществлять достаточно глубокую нравственно-философскую экспертизу разнообразных прикладных проблем, имея в виду их внутреннюю взаимосвязь. Все это позволяет понять, что своеобразным стержнем в профессиональной деятельности юриста выступает мотивация совершения нужной работы, важной для общего дела, нужного для сохранения и совершенствования общества в направлении социального идеала. Из этого исходит философско-правовой клуб «Нравственное измерение права», который успешно действует на базе кафедры философии и социологии 18 лет. Соединение учебного и научного видов деятельности имеет серьезное воспитательное значение, что в известном смысле спасительно для современного образования в целом.

Ключевые слова: нравственность; философия; профессиональная этика; человек; методология; этические категории и ценности; подготовка современных юристов; прикладные проблемы; социальный идеал; философско-правовой клуб «Нравственное измерение права»; образование; нравственно-философская экспертиза; общество; деятельность юриста; воспитание.

Для цитирования: Артемов В. М. Нравственная философия как методологическая основа и ценностный ориентир профессиональной этики в праве // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 4. — С. 20—31. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.113.4.020-031.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16081.

© Артемов В. М., 2020

* Артемов Вячеслав Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), научный руководитель клуба «Нравственное измерение права»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
vyach_artemov@mail.ru

Moral Philosophy as a Methodological Basis and Value of Professional Ethics in Law²

Vyacheslav M. Artemov, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Philosophy and Sociology, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Academic Director of “Moral Dimension of Law” Club
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
vyach_artemov@mail.ru

Abstract. On the basis of the finding of an obvious lack of morality in professional fields, where the threat is posed to the person himself and, consequently, to the society as a whole, the author justifies that it is moral philosophy that is destined to serve as a methodological basis and a value guide for the professional ethics in law at the center of which there is a person as a person rather than any external object as a formal value. The paper demonstrates the approach according to which training of modern lawyers assumes strengthening of morality in law by the forces of professional philosophers, primarily representing ethics, who are able to give knowledge about the origin and essence of morality, about the history of ethical teachings, about the content of categories and values; to carry out rather deep moral and philosophical examination of various ancillary problems, bearing in mind their intrinsic interconnection. All these make it possible to understand that a kind of a core in the professional activity of a lawyer is represented by the motivation to perform the necessary work important for the common cause necessary for preservation and improvement of the society towards the social ideal. Thus, the philosophical and legal club “Moral Dimension of Law” that has successfully operated under the auspices of the Department of Philosophy and Sociology for 18 years relies in its work on the concepts mentioned above. The combination of educational and research activities has serious educational significance, which in a certain sense, is redeeming for modern education as a whole.

Keywords: morality; philosophy; professional ethics; man; methodology; ethical categories and values; training of modern lawyers; applied problems; social ideal; philosophical and legal club “Moral dimension of law”; education; moral and philosophical expertise; society; activity of the lawyer; education.

Cite as: Artemov VM. Nравstvennaya filosofiya kak metodologicheskaya osnova i tsennostnyy orientir professionalnoy etiki v prave [Moral Philosophy as Methodological Basis and Value Orientation of Professional Ethics in Law]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(4):20—31. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.113.4.020-031. (In Russ., abstract in Eng.).

По разным причинам в современном обществе нравственность вообще и этика как ее теоретический уровень оказались в тени. Наиболее явно их дефицит виден в профессиональных областях, где, условно говоря, под удар зачастую ставится сам человек, а значит, и общество в целом. Речь, в частности, идет о медицине, об образовании, о сфере услуг и, конечно же, о праве. А ведь последнее самим обществом призвано адекватно реагировать на

проблемы в любой области жизни и деятельности, включая их технологическое обеспечение. «К примеру, нейросети вообще не предполагают, — отмечает В. Н. Синюков, — участие человека. И это сказывается на человеке»³. Получается, что основой субъект социальной жизнедеятельности оказывается беззащитным, что свидетельствует о расчеловечивании, способствующем разрушительному злу. Это видит философия⁴, особенно этика. Именно поэто-

---

² The reported study was funded by RFBR according to the research project No. 18-29-14002.

³ Синюков В. Н. Системный поиск новой парадигмы развития права как социального регулятора и его альтернативы // Нравственность и право : Реальность и перспективы взаимодействия : сборник научных трудов / отв. ред. В. М. Артемов, О. Ю. Рыбаков. М. : Проспект, 2019. С. 12.

⁴ См.: Научно-технологические трансформации в современном обществе : Нравственно-философское осмысление и особенности правового регулирования : сборник научных трудов / отв. ред. В. М. Артемов, О. Ю. Рыбаков. М. : Проспект, 2019. С. 394.

му без них не может обойтись и современное право, которое позиционирует себя как гуманистическое.

Все это актуализирует нравственно-философскую экспертизу права, в чем оно само и нуждается, ибо внутренне тяготеет к справедливости. По существу, внутренней, то есть осуществляемой самими юристами, должна быть и указанная экспертиза. Отсюда — задача усиления нравственно-философской составляющей университетского образования.

Право является исторически сложившимся государственным институтом для поддержания внешнего порядка в отношениях между гражданами, между ними и государством (налоги, воинские и иные обязанности и т.п.) под угрозой наказания. Последнее обстоятельство делает его весьма эффективным средством в плане разрешения каких-то сложных ситуаций уголовного или гражданского типа. Кто-то отбывает наказание, кто-то платит штраф, но во всех случаях речь идет о так называемой негативной ответственности: противоправное действие или преступление влекут за собой соответствующие последствия в русле действующего законодательства.

Подобная внешняя простота — это лишь видимость. За нею скрывается главное: качество исполнения профессиональных обязанностей конкретными юристами самых разных уровней. Речь прежде всего идет об их реальных нравственных чувствах, мотивации, понимании различия между добром и злом, готовности или неготовности встать на сторону первого и бороться со вторым; о таких элементах личного бытия, как мировоззрение, самосознание, ценностные ориентиры и приоритеты и т.п. Именно с этого в действительности все и начинается. А вот когда юрист говорит обратившемуся к нему человеку о каких-то вариантах извлечения выгод из ситуации нарушения кем-то справедливости, то доверие к праву может как раз и закончиться.

Переходя к спасительной роли философии как любви к мудрости, важно особо выделить ее вершинную — этическую часть. В свою очередь, если следовать строго научному подходу, разделом самой этики выступает профессиональная

этика, включая этику права. По существу, без философии не может быть должного выполнения юристом его миссии. Некоторые полагают, что последняя заключается в выполнении требований работодателя. Но в таком случае философия действительно не очень нужна. А как же человек, его естественные и законные права? И кто же будет восстанавливать справедливость? Налицо проблема своего рода понижения планки в представлениях о главном в деятельности юриста.

В этой связи нельзя не обратить внимание на то, что с недавнего времени к названию дисциплины для бакалавров «Введение в специальность», которую ведут сами юристы, в некоторых институтах присоединили еще и «профессиональную этику».

Здесь как раз и кроется некая интрига, когда сама этика оказывается, что называется, в роли «бедной родственницы», взятой (без ее согласия), условно говоря, в собственно юридический дом, по определению далекий от тонкостей этики как таковой. В ней ведь должны быть знания о сущности нравственности, человеческом в человеке, история этических учений, содержание категорий и ценностей, разнообразные прикладные проблемы в аспекте их нравственно-философской экспертизы и т.п.

Исходя из научно-образовательной миссии университета, важно подчеркнуть, что ключевым словом в словосочетании «профессиональная этика» выступает именно этика. Это научная дисциплина, в центре которой стоит профессионально действующий человек в его взаимоотношениях с другими людьми и общественными институтами в парадигме достаточно высокого социального идеала, который предполагает подлинную нравственность, включая и справедливость. Профессиональная этика не должна быть какой-то второстепенной, искусственно созданной и тем более бессистемной. Если ее преподают не с позиций философии и этики, а в узко корпоративном ключе, то ключевые ценности-ориентиры оказываются на периферии. Такая ситуация, подобная смешению жанров, не может не снижать уровень университетского образования, призванного быть фундаментальным. Настоящая теория и четкие ценностные

ориентиры сейчас могут действительно обеспечить должную практику потом.

Юрист не может игнорировать человеческое в человеке, чем, собственно, и призвана заниматься нравственная философия как основа этики в целом. В этой связи, кроме всего прочего, встает проблема социальной ответственности ученого. Поэтому здесь и позиционируется приоритетность этики как теоретико-методологической и аксиологической основы профессиональной и корпоративной этики.

Проникновение в сущность проблем, анализ противоречий, в том числе в праве и вокруг него, обязательно предполагают нравственно-философскую экспертизу. Ясно также, что нельзя игнорировать и нравственные качества самих людей, выступающих в качестве специалистов. В противном случае все тонет в тривиальностях, пустом формализме и даже, увы, корпоративном цинизме, разъедающем социокультурное целое.

Имея в виду неоднозначность сложившейся ситуации, подчеркнем важность объективно-научного взгляда на проблему. Исторически нравственность предшествует праву, а логически она составляет его мощный фундамент. Только в таком контексте справедливость и выступает в качестве стержня права. Содержание же справедливости по определению находится в теоретическом ведении прежде всего нравственной философии. Значит, речь идет о нравственных опорах самого права, особенно на стадии подготовки юристов-профессионалов. Без этих опор реально действующее право теряет привлекательность, уходит от основной социально-государственной миссии, становясь похожим на некий инструмент в руках различных корпораций.

Нахлынувшая волна новых технологий также требует пристального исследовательского и экспертного внимания. В целом наступило время определиться, на чьей стороне право — человека или корпораций? Если в центре остается человек, то и справедливость остается в качестве миссии права. Если же интересы каких-либо монополистов отодвигают его в сторону — меняется сама суть права, то есть фактически

может торжествовать бесправие. Разумеется, против такого положения дел прежде всего восстает нравственное чувство, а вслед за ним и этика, включая ее собственно профессиональную часть.

Чисто юридические весы не могут ничего правильно взвесить, если в самих сердцах и головах тех, кто пытается это делать, нет нравственных чувств, хотя бы общих знаний о человеке, мире, должных взаимоотношениях между людьми, нет понимания меры, равенства и т.п. Иначе сказать, профессионализм в сфере права по определению предполагает нравственно-философское измерение. Его дефицит или наличие какой-либо «плохой» или так называемой ученической философии губительны для самого права, а главное — для общества и человека. Интересно, что, размышляя о соотношении профессионализма и культуры, об интеллигентности как результате «терпеливого и неуклонного воспитания», А. Ф. Лосев подчеркивал: узкий профессионализм без общей любви к знаниям, без понимания собственной миссии и устремленности к чему-то более высокому и совершенному, без «постоянного и неуклонного стремления не созерцать, но переделывать действительность»⁵ скорее уводит с поля культуры, чем способствует ее сохранению и развитию.

Главной в профессиональной деятельности выступает мотивация совершения некоей нужной работы, важной для общего дела, нужного для сохранения и совершенствования целого в направлении социального идеала. А все это опирается именно на человеческий потенциал, в конечном счете на человеческое в человеке. Применительно к серьезному отношению к профессии важен уровень сущностного видения, когда в качестве субъекта деятельности выступает именно личность, а не просто случайный исполнитель. Квинтэссенцией нравственно оправданных личностных усилий в обществе является именно высокий профессиональный уровень. В образовательно-воспитательном плане к нему нельзя прийти в какой-то спешке, тем более неосознанно. Здесь должна быть взвешенная система последовательных шагов в направлении

⁵ См.: Лосев А. Ф. Дерзание духа. М., 1988. С. 314—323.

высокого социального идеала. Он имеет как общее (стабильность, достаточно мощный потенциал для устойчивого и гармоничного развития и т.п.), так и собственно профессиональное измерение (применительно к праву речь идет об успешной борьбе с преступностью, о защите достоинства, здоровья и самой жизни людей, о восстановлении справедливости и т.п.).

Вообще, профессии всегда нуждались в осмыслении собственной специфики именно на этико-философском уровне, даже предлагали оригинальные концепции в этом плане в лице своих лучших представителей. Классический пример — врач Гиппократ. Предложенная им клятва до сих пор является стержнем этики ответственного медицинского работника. Для безответственного же, как всегда, призыв «Не навреди!» мало что значит. При этом бездушный исполнитель может неплохо разбираться в должностных инструкциях, наспех составленных этических кодексах, где форма зачастую важнее содержания. Корпоративная мораль, увы, не всегда нравственна.

В целом критически относясь к абсолютизации чего-либо, считаю, что в нашем случае абсолютным должен быть подход, согласно которому университетский уровень юридического образования предполагает постановку нравственно-философского или человечески-мудрого угла зрения, без которого в принципе невозможен подлинный профессионализм, заключающийся в практическом исполнении основной, социально обусловленной миссии по восстановлению справедливости.

Из этого вытекают и соответствующие требования к тем, кто берется ставить указанный угол зрения. Безусловно, нужен настоящий философский, а еще лучше собственно этический уровень подготовки. В этой связи интересна мысль И. Канта: «Подражание в нравственной области совершенно не имеет места и примеры служат только ободрению, т.е. они оставляют вне всякого сомнения исполнимость того, что предписывает закон; они делают наглядным то, что практическое правило выражает в общей

форме, но они никогда не могут дать нам право оставить в стороне их подлинный оригинал, заключающийся в разуме, и руководствоваться примерами»⁶.

Важна и верная теоретико-методологическая составляющая. Как минимум должен быть исключен какой-либо узкий идеологический подход (хотя какие-то предпочтения в этом плане, разумеется, могут быть). На собственно философском поле нельзя считать приемлемыми любые крайние высказывания типа зряшных отрицаний, которые перечеркивают сам дух философствования, даже историю философии. Если кто-то выбрасывает диалектику, называя ее «словоблудием»; утверждает, что Гегель неправ, потому что «удаляется от Канта», а Маркс не заслуживает, условно говоря, высокого трансценденталистского внимания, то он тем самым возвращается к схоластической «истине в последней инстанции».

Теоретико-методологические просчеты и провалы, увы, потом прорастают сорняками на профессиональных полях, включая правовое. Современный юрист должен научиться не просто мыслить, но мыслить правильно, конструктивно, выходя на достаточно высокий уровень теоретических обобщений и методологического обеспечения. В принципе, логика (в широком смысле слова) призвана служить добру, а не противоположному ему злу. При этом саму нравственность можно уподобить, условно говоря, нейтральному полю, на котором все мы можем искать и находить точки соприкосновения.

Принципиально важно также не рассматривать метод познания и деятельности слишком узко. Речь должна идти не только об общенаучных и о частных приемах и средствах, но и о более общих мировоззренческих, этических ориентирах, некоей парадигме мысли и действия, направленной на учет и культивирование человеческого в человеке. Это серьезно актуализирует значимость преподавания этики в высшей школе, готовящей подлинных профессионалов.

По существу, нравственная философия как основание этики и есть та «хорошая» филосо-

⁶ Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Сочинения = Werke : на немецком и русском языках : в 4 т. М., 1997. Т. 3. С. 107.

фия, которая по своей сути заточена на преодоление разного рода крайностей с позиций не только личного самоутверждения, но и сохранения социального целого. А вот если за преподавание философии, включая профессиональную этику, берутся те, кто к ней практически равнодушен или не знает ее в должной мере, то это губительно сказывается на результатах подготовки к будущей профессии.

Основательное присутствие философии (включая этику) как глубокой теоретической дисциплины о человеке, об обществе и о мышлении на университетском поле тем более необходимо в условиях, когда «цифра» все больше становится своего рода новой религией. В этой ситуации спасение — за настоящими и ответственными людьми, подлинными профессионалами, которые никогда не могут быть заменены машинами. Любые технические устройства могут быть лишь инструментами в умелых и чистых руках.

Такой подход призван выступить в роли ценностного ориентира в условиях пресловутой цифровизации, когда между людьми, скажем клиентом и специалистом, условно говоря, встает «цифра» в том или ином виде. Здесь возможны разные варианты общения, но во всех случаях именно человек как ответственный специалист должен быть над электронной системой, а не она сама, кто бы ее изначально ни настраивал. В противном случае печально известный формализм может вздуться до невероятных размеров (ведь одна ошибка, как снежный ком, влечет за собой другие), перечеркивая все преимущества самых новейших технологий.

Слепой расчет на какой-то машинный автоматизм цифрового типа — это скрытая форма того же зла, которое все больше становится «текучим», так как «стремится “подорвать” экономику и благополучие на определенных территориях и в определенных сообществах, для чего привносит в них как можно больше хаоса, страха, неуверенности, уязвимости и тревоги, вместо того чтобы брать на себя бремя ответственности за их преодоление»⁷.

Практически во всех профессиях сегодня наблюдается гонка за мнимым прогрессом, когда очень часто внимание с человека переключается на разнообразные, подчас абсолютно неоправданные и даже дикие требования рынка, взятые с потолка инструкции и распоряжения. Возникает ситуация хронической спешки, когда все будто бы нужно делать быстро, а то отстанем. Первый, то есть сам человек, становится последним. Налицо замкнутый круг: исправлять цифровые сбои предстоит людям, от которых пытаются дистанцироваться. Ситуация усугубляется еще и тем, что право начинает дробиться на новые отрасли не столько в русле защиты человека и общества от новых опасностей, сколько в связи с потребностями и требованиями (подчас корыстными) носителей разнообразных технологий.

Зачастую люди попадают в разного рода маркетинговые и иные ловушки, где «цифра» начинает работать против, а не за и для человека. При этом те, в чьих руках находятся соответствующие технические схемы и, что называется, пульт управления, ставят вопрос, что называется, ребром: они (схемы и машины) якобы не могут ошибаться. На это якобы способны только сами люди. Какие-то сугубо человеческие нюансы просто не рассматриваются, что, кстати, по определению нарушает принцип презумпции невиновности, да и права человека в целом. Очень удобно для монополистов всех уровней, но крайне опасно для рядовых граждан.

Таким образом, в ситуации временной неопределенности с «цифрой» и уже явными потерями и угрозами в плане ее применения в целом требуются новое нравственно-философское осмысление соответствующих проблем, принципиальные и конкретные социальные и правовые решения, способные направить научно-технологические процессы в должное русло. Как важнейший социальный институт, право призвано встать на сторону человека и общества. В противном случае известный феномен правового нигилизма будет еще больше разрастаться. В конечном счете может наступить момент, когда и крупные игроки на правовом

⁷ Бауман З., Донскис Л. Текучее зло: жизнь в мире, где нет альтернатив. СПб., 2019. С. 19.

поле будут беззащитны, ведь право не может держаться только на силе и государственном принуждении. Оно нуждается в понимании и терпимом к себе отношении со стороны гражданского общества, самих людей как носителей здравого смысла, разума, должных нравственных и профессиональных качеств.

Конкретизируя, важно договориться о том, что должно быть в принципе исключено на так называемом цифровом Олимпе. В русле известной «негативной этики», на мой взгляд, можно высветить, к примеру, следующие требования со стороны морали. Прежде всего, во-первых, человек не должен быть использован в качестве средства для достижения чьих-то корпоративных или иных подобных целей. Далее, во-вторых, должны быть исключены всякого рода обманные маркетинговые ловушки, которые оскорбляют человеческое достоинство и в конечном счете ведут или потенциально могут привести к разрушению всего социального целого. В-третьих, не допустима, что называется, игра на человеческих слабостях, в том числе их поощрение и возведение в ранг нормального. «Цифра» призвана стать средством развития и возвеличивания человека и здорового общества.

Случаи с цифровыми системами, когда элементарные ошибки умножаются машиной, свидетельствуют о несовершенстве самой связки «человек-машина». Особенно важна логистика таких сфер, как медицина, образование, транспорт, финансы и т.п. Здесь уж точно не приходится рассчитывать на безупречное выполнение технических, организационных и иных операций машиной как таковой. Ею должен управлять человек как человек и профессионал одновременно.

В сфере работы с людьми сегодня категорически нельзя игнорировать самих людей, ибо они столь же значимы в должном исполнении того или иного вида деятельности, как и сами профессионалы. Когда на человека (неважно — студента или профессора) некий исполнитель-функционер смотрит, что называется, свысока, происходит своего рода предательство профессии. А это несправедливо в масштабах всего социального целого, которое ждет и требует от работника в любой сфере подлинного

профессионализма, а не имитации какой-то «бурной» деятельности.

В этом смысле кто-то может сказать, что юристу, «заточенному» на справедливость, чужды учет и тем более культивирование человеческого в человеке, но это не так. Наоборот, важнейшим признаком нравственности как раз и выступают чувство и понимание справедливости. Их отсутствие или минимизация ведут к голому формализму. К примеру, судья, не верящий в возможность достижения истины и справедливости, которая по определению имеет социокультурную природу, вряд ли сможет должным образом выполнить свои профессиональные обязанности.

Учитывая имеющиеся проблемы, связанные с прямым или косвенным уходом от основной миссии юриста — восстановления справедливости, важно искать модели их решения применительно к научно-образовательному полю. Прежде всего, разумеется, будущий профессионал должен знать историю вопроса (Платон, Аристотель, К. Маркс, Д. Роулз и др.), теоретическое содержание самой категории «справедливость» в контексте всех других этико-философских категорий и ценностей и т.п.

Так, в самом слове «справедливость» уже частично слышится «равенство». Важно подчеркнуть, что оно не может быть абсолютным (у людей есть различия по происхождению, возрасту, талантам, способностям, знаниям, собственности и т.п.), но тем не менее каждый человек равен любому другому. Поэтому, к примеру, младший вправе ожидать от старшего (и наоборот) не только признания этой константы, но и должного уважения вне зависимости от обстоятельств. Неслучайно для права именно данный момент является ключевым: все равны перед законом.

Правда, и сам закон должен быть справедливым, что, по существу, и составляет основную проблему права. Если закон расходится со справедливостью (например, допускает нарушение принципа равенства), то начинается бесправие. Кстати, набирающая силу тенденция либерализации наказаний за экономические преступления в условиях устрашающего разрыва в доходах бедных и богатых, думается, подталкивает к хаосу возможного социального протеста; что

печально не только для права, но и для всего общества, нуждающегося хотя бы в относительной стабильности, которая, в свою очередь, предполагает хотя бы минимум социального равенства (подобное имело место в советской период).

Далее, размышляя о сути справедливости, нельзя не выделить философское понятие меры применительно к заслугам людей и социальному воздаянию за них. Чем значительнее вклад человека в некое общее дело, особенно в профессиональном отношении, тем выше должно быть и вознаграждение за это. Нарушение данной меры в конечном счете чревато потерями для всего социального целого, в принципе заинтересованного в том, чтобы каждая его часть (личностное бытие) проявляла себя, в том числе и прежде всего в профессиональном плане, максимально полно и всесторонне. Подобное имеет место и на личностном уровне: «Основная цель в жизни — сохранить равновесие между вкладом и отдачей... Люди стремятся к справедливости»⁸. К примеру, еще Конфуций считал, что основой справедливости между людьми выступают благородство и гуманность. Известно, что ученики любили его не только за те знания, которые он давал им, но и за справедливое отношение к ним. Ведь само воспитание во многом строится на примере. Таким образом, справедливость является сложной нравственно-философской и этической проблемой, имеющей и свое профессиональное измерение.

В целом же профессионализм выступает своеобразной вершиной личностного бытия, органично связанного с потребностями и интересами общества; и в данном смысле — это квинтэссенция нравственности. Ведь она предполагает сохранение, развитие и совершенствование целого. Полезное конструктивное дело, которое совершается должным образом, как раз и способствует реализации такой парадигмы. В работе с людьми не скроешься просто за кресло или должность, нужны не только максимум знаний, умений, сугубо профессиональных навыков, но и высокие

нравственные качества (добрые чувства, соответствующие мотивы, понимание различий между добром и злом, справедливостью и несправедливостью и т.п.) и, как следствие, — максимальная отдача профессиональному сообществу и обществу в целом. Только в таком случае можно говорить о том, что человек как специалист на своем месте, что он востребован и вправе требовать от других признания и почета, но, разумеется, без крайности самолюбования.

Нельзя не согласиться и с такой констатацией должного: «Истинный профессионализм предполагает глубокое усвоение и осознание требований профессиональной морали»⁹. Они же могут быть адекватно (содержательно, исторически и логически последовательно, системно) представлены только в общем контексте этики как науки.

При этом никто не должен спекулировать на самой теме морали. Интересен в этой связи взгляд К. Ясперса на известную позицию Ф. Ницше: в пафосе моралиста последний видит скрытую подлость, стремящуюся взять реванш; «в фанатизме справедливости — тайную жажду лицемерия»¹⁰. Кстати, моралист в упомянутом смысле не имеет ничего общего с моралистом как подлинным нравственным философом (Сократ, Конфуций, Кант, Л. Н. Толстой и др.). Следует принципиально различать поверхностное пустое морализаторство и собственно этическую принципиальную позицию.

Имеются глубинные общие корни нравственности и права как важнейших социокультурных феноменов и мощных институтов стабильности и порядка в обществе. Получается, что нравственность по природе своей спасительна везде и всюду, ее не может быть много, чего не скажешь, с одной стороны, о морализаторстве, а с другой, условно говоря, об узком юридизме, когда имеет место перехлест сугубо формального, а не содержательного применительно к регулированию отношений между людьми, группами и институтами.

⁸ Хьюсман Р., Хэтфильд Д. Фактор справедливости, или «И это после того, что я для тебя сделал...». М.: Знание, 1992. С. 34.

⁹ Цвык В. А. Профессиональная этика: основы общей теории: учеб. пособие. Изд. 2-е. М., 2012. С. 112.

¹⁰ См.: Ясперс К. Ницше и христианство. М., 1994. С. 28.

Право и обязанность философов и этиков вести профессиональную этику, разумеется, не исключает возможности делать это в том числе и юристам. Правда, если они поднимутся на собственно этико-философский уровень ее преподавания. В свою очередь, это предполагает правильное понимание соотношения этики, нравственной философии, да и философии в целом. Думаю, что этику следует рассматривать в качестве своеобразной вершины философии. При этом я всегда исходил из того, что и философия, и этика имеют фундаментальную научную основу. Основа эта есть и у нравственной философии как стержня философии в целом.

Более того, в известном смысле нравственная философия — это и есть подлинная философия. Основное в ней всегда заключалось в теоретическом обосновании человеческих претензий на разумность и успех собственной деятельности в мире, который мыслится как колыбель и мастерская одновременно. В данном отношении никакой отдельно взятый вид деятельности не может претендовать на абсолютную самостоятельность вне контекста рассматриваемой философии как метапонимания предназначения человека в позитивно-утверждающем ключе. Именно вера человека и общества в самих себя является спасительной для жизни в целом.

В сущности, этика, в том числе такая ее важная отрасль, как этика профессиональная, выступает своеобразным образовательным каналом концентрированного освоения морально-нравственного наследия, а также соответствующих категорий, ценностей, принципов и норм. Их последовательная и целенаправленная реализация и призвана вести к тому, чтобы нравы молодого поколения становились более благородными, чтобы ориентировать его в дальнейшей

личной жизни и особенно социально-профессиональной деятельности.

Нельзя не согласиться с тем, что «... в праве должно подразумеваться нравственное совершенство как необходимая личностная черта индивидов, причем с точки зрения общественного долга»¹¹. Думаю, следует неуклонно и целенаправленно усиливать этический потенциал права. Речь идет в том числе и о значимости осмысления и принятия всеми участниками научно-образовательной деятельности в юридическом высшем учебном заведении своего рода особой этической миссии. Некая идеализация того, к чему следует стремиться, в действительности не может быть помехой.

Разведение нравственной философии, предполагающей максимальное присутствие субъективно-личностного фактора, и этики, позиционируемой как наука в основном абстрагирующейся от последнего¹², не может быть абсолютным. В действительности имеются возможность и даже необходимость органичного сочетания субъективного и объективного в самой этике. Это сказывается на всей ее ткани — от истории этических учений и содержания этических категорий-ценностей до прикладных и профессиональных аспектов. Личностные особенности и предпочтения преподавателя интересующей нас дисциплины «Профессиональная этика» столь же важны, как и описательно-доказательная научная часть этики в целом. В этой связи напрашивается не раз приводимая мною метафора: хороший специалист подобен завершеному и красивому кругу, разделенному ровно пополам: одна половина — это личностные, прежде всего нравственные качества человека; другая, — достаточно глубокие и широкие профессиональные знания, связанные с пониманием миссии¹³.

¹¹ Выгорбина А. Е. Этика социальных отношений. Опыт философско-социологического исследования нравственных аспектов права и социальной жизни. М., 2011. С. 19.

¹² Данная проблема была поставлена и многоаспектно рассматривалась, в частности, на симпозиуме, состоявшемся 11—12 марта 2019 г. в Институте философии РАН в связи с 80-летием академика РАН А. А. Гусейнова.

¹³ Речь идет и о том, что восстановление справедливости связано с нравственной ответственностью, на что особое внимание обращал известный юрист А. Ф. Кони, приводя в пример великого философа-моралиста Л. Н. Толстого. См.: Кони А. Ф. Воспоминания о писателях : литературные очерки. СПб., 2010. С. 195.

Этика преподавателя практически ничем не отличается от общей этики культурного и образованного человека. Но есть и специфика. Он призван быть образцом, достойным примером для своих учеников — студентов, магистрантов, аспирантов. Эта его своеобразная воспитательная миссия (здесь нельзя ни с кем поменяться местами).

Главное в университете — это совокупный научно-образовательный и воспитательный эффект. Напрашивается сравнение с детьми и их родителями. Здесь по определению понятно, кто первый, кто кого должен воспитывать. Разумеется, эту аналогию не следует трактовать буквально. В целом курс определяют преподаватели, а студенты следуют ему. Причем воспитанием призваны заниматься не только философы и этики, но и все другие преподаватели-специалисты. Поэтому, когда кто-то из них говорит о профессиональной этике «скороговоркой», сводя ее к каким-то «дежурным» словам о разных этических кодексах, может исчезнуть сам дух этики. Формализм в принципе чужд ей. Тогда идет своего рода анти-воспитание со всеми вытекающими отсюда последствиями. Этика не может не замечать этого и обязана высказываться в конечном счете от имени общества, которое нуждается именно в должном выполнении университетской миссии.

Ситуация в современном обществе такова, что накопившиеся проблемы практически во всех сферах жизни можно решить не столько в русле каких-то внешних рычагов и преобразований, даже самых радикальных; сколько на пути внутренних духовно-нравственных изменений. Прежде всего, речь идет о постановке своеобразного нравственно-философского угла зрения на происходящее, о перемене в собственном поведении — личном, профессиональном, социокультурном. Важно избавиться от груза грубых заблуждений, дурных привычек и приемов в жизни и профессиональной деятельности, особенно если она касается других людей.

Такой подход может показаться слишком идеалистическим, даже наивным. Но в действи-

тельности именно тонкие человеческие чувства, например, чувство такта, адекватное понимание своей миссии, желание и готовность помочь другому или другим, а также позиционирование ответственного отношения к делу не только по форме, но и по существу, — все это и подобное духовно-нравственное измерение как раз и играет решающую роль. Вот, к примеру, показательная позиция применительно к жизни в целом: «Настало время создать новый, более мощный тип нравственной аргументации, обращаясь к самым истокам нашей мотивации и объясняющий, почему, по каким обстоятельствам и причинам мы лелеем и защищаем жизнь»¹⁴. Сегодня, как никогда, особенно важен профессиональный срез социального бытия, где накопилось множество барьеров и препятствий, мешающих нормальной работе, порождающих новые проблемы, которые разъедают тонкие взаимоотношения между людьми, группами и целыми институтами. При этом указанные изменения практически не требуют каких-то особых усилий. Все очень просто: начать видеть и слышать другого человека, считаться с его разумными интересами и запросами с позиций некоего не менее разумного и оправданного идеала. Здесь-то как раз не обойтись без этико-философского взгляда.

Сила права не в самом праве как законодательстве и соответствующих инструментах наказания и принуждения. Она как раз вытекает из потенциала социально-нравственных чувств, идей и представлений о справедливости, по природе своей нуждающейся в этико-философской глубине и методологии. Без всего этого право превращается в бездушный механизм, который ничего не определяет, а просто декларируется как нечто обязательное. Но и сила нравственности не в декларируемых запретах и назидательных советах, к чему, кстати, зачастую сводятся многие профессиональные и корпоративные кодексы, а в глубинных нравственных чувствах и четком понимании значимости взаимоуважения, взаимопомощи, ответственности, справедливости, других подобных феноменов,

¹⁴ Уилсон Э. О. Биофилия : Врожденная тяга к живому как связь человека с другими биологическими видами. М., 2017. С. 271.

которые воспитываются и последовательно раскрываются посредством обращения к истории, содержанию этических категорий и ценностей, научным аргументам и доказательствам, убедительным примерам. Правда, примеры сами по себе не играют большой роли, если они отрываются от хорошо поставленной теории.

Профессиональная этика — это своеобразная вершина нравственной философии. Простая информация о каких-то кодексах или запретах мало что дает обучающимся, более того, может дезориентировать, даже отпугнуть от нравственной парадигмы. Этика как философская дисциплина не столько сообщает о чем-то, сколько искренне и вдумчиво объясняет значение человеческого в человеке, взывает к самим людям как субъектам нравственного и профессиональ-

ного поведения, чтобы они были на высоте подлинной нравственной ответственности.

Хочется верить, что наш философско-правовой клуб «Нравственное измерение права», действующий целых 18 лет на базе кафедры философии и социологии, будет и дальше уверенно двигаться именно в этом русле, помогая в том числе и тем, кто желает соединять учебный и научный виды деятельности. Это имеет и воспитательное значение, что тоже немало важно для современного образования, особенно университетского. Вся надежда на понимание и сотрудничество со стороны уважаемых коллег-юристов, без активного участия которых трудно себе представить реальную этизацию образовательного процесса и очеловечивание права в целом.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бауман З., Донскис Л. *Текущее зло: жизнь в мире, где нет альтернатив.* — СПб., 2019. — 296 с.
2. Выгорбина А. Е. *Этика социальных отношений. Опыт философско-социологического исследования нравственных аспектов права и социальной жизни.* — М., 2011. — 372 с.
3. Кант И. *Основоположение к метафизике нравов // Сочинения = Werke : на немецком и русском языках : в 4 т.* — М., 1997. — Т. 3. — 784 с.
4. Кони А. Ф. *Воспоминания о писателях : литературные очерки.* — СПб., 2010. — 352 с.
5. Лосев А. Ф. *Дерзание духа.* — М., 1988. — 366 с.
6. *Научно-технологические трансформации в современном обществе: нравственно-философское осмысление и особенности правового регулирования : сборник научных трудов / отв. ред. В. М. Артемов, О. Ю. Рыбаков.* — М. : Проспект, 2019. — 408 с.
7. Синюков В. Н. *Системный поиск новой парадигмы развития права как социального регулятора и его альтернативы // Нравственность и право: реальность и перспективы взаимодействия : сборник научных трудов / отв. ред. В. М. Артемов, О. Ю. Рыбаков* — М. : Проспект, 2019. — С. 11—13.
8. Уилсон Э. О. *Биофилия : Врожденная тяга к живому как связь человека с другими биологическими видами.* — М., 2017. — 304 с.
9. Хьюсман Р., Хэтфильд Д. *Фактор справедливости, или «И это после того, что я для тебя сделал...».* — М. : Знание, 1992. — 96 с.
10. Цвык В. А. *Профессиональная этика: основы общей теории : учеб. пособие.* — Изд. 2-е. — М., 2012. — 288 с.
11. Ясперс К. *Ницше и христианство.* — М., 1994. — 114 с.

Материал поступил в редакцию 23 декабря 2019 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bauman Z., Donskis L. Tekucee zlo: zhizn v mire, gde net alternativ. — SPb., 2019. — 296 s.
2. Vygorbina A. E. Etika socialnyx otnoshenij. Opyt filosofsko-sociologicheskogo issledovaniya нравstvennyx aspektov prava i socialnoj zhizni. — M., 2011. — 372 s.
3. Kant I. Osnovopolozhenie k metafizike нравov // Sochineniya = Werke : na nemeczkom i russkom yazykax : v 4 t. — M., 1997. — T. 3. — 784 s.
4. Koni A. F. Vospominaniya o pisatelyax : literaturnye ocherki. — SPb., 2010. — 352 s.
5. Losev A. F. Derzanie duxa. — M., 1988. — 366 s.
6. Nauchno-texnologicheskie transformacii v sovremenном obshhestve: нравstvenno-filosofskoe osmyslenie i osobennosti pravovogo regulirovaniya : sbornik nauchnyx trudov / otv. red. V. M. Artemov, O. Yu. Rybakov. — M. : Prospekt, 2019. — 408 s.
7. Sinyukov V. N. Sistemnyj poisk novoj paradigmy razvitiya prava kak socialnogo regulyatora i ego alternativy // Nравstvennost i pravo: realnost i perspektivy vzaimodejstviya : sbornik nauchnyx trudov / otv. red. V. M. Artemov, O. Yu. Rybakov — M. : Prospekt, 2019. — S. 11—13.
8. Uilson E. O. Biofiliya : Vrozhdennaya tyaga k zhivomu kak svyaz cheloveka s drugimi biologicheskimi vidami. — M., 2017. — 304 s.
9. Xyusman R., Xetfild D. Faktor spravedlivosti, ili «I eto posle togo, chto ya dlya tebya sdela...». — M. : Znanie, 1992. — 96 s.
10. Czvyk V. A. Professionalnaya etika: osnovy obshhej teorii : ucheb. posobie. — Izd. 2-e. — M., 2012. — 288 s.
11. Yaspers K. Niczsche i xristianstvo. — M., 1994. — 114 s.